

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Шарапова Светлана Владимировна

**Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири
в V в. до н.э. – III в. н.э.
(по материалам погребальных памятников)**

Специальность 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена в Центре этноистории Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Официальные оппоненты: **Крадин Николай Николаевич**, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, директор.

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Научно-образовательный центр евразийских исследований, директор.

Куфтерин Владимир Владимирович, доктор биологических наук, Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр антропоэкологии, ведущий научный сотрудник.

Защита состоится 9 октября 2026 г. в 14:30 на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4 Шуваловский, ауд. 416.

E-mail: faculty@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3989>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М.Н. Архипова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования и степень разработанности темы. В конце XX в. интеграция усилий и возможностей исследователей в различных областях отечественной археологии реализовывалась активным внедрением статистического анализа в проводимые проекты, а несомненные успехи палеоантропологии расширили комплексный подход к анализу материалов погребений. С тех пор значимость междисциплинарной парадигмы ничуть не снизилась. Напротив, имеющийся у археологов арсенал методов естественных наук дополняется возможностями археозоологии, почвоведения, палеогенетики, изотопных исследований и т.д., позволяя воссоздать среду обитания, определить пищевые стратегии, рассмотреть мобильность и миграционные потоки и т.п. С другой стороны, появляется возможность реконструировать историю жизни отдельно взятого индивида – особенности его происхождения, образа жизни, диеты и т.п.

В раннем железном веке в лесостепи Зауралья и Западной Сибири обитало население, чьи древности в археологической систематике именуются саргатской культурой. Ее изучение связано с усилиями многих поколений археологов, основные направления исследований затрагивали широкий спектр научных тем: систематизация и классификация, проблемы происхождения, вопросы хронологии, военное дело, социальная организация¹. Реконструкция жизнедеятельности саргатских коллективов включала изучение архитектуры и домостроительства, хозяйства и быта, пищевого рациона, погребальной

¹ См., например: *Стоянов В.Е.* Ранний железный век Западносибирской лесостепи (опыт классификации и периодизации): дис... канд. ист.наук. Свердловск, 1969; *Он же.* Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 152–159; *Могильников В.А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров / Ред. В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М., 1972. С. 66–86; *Корякова Л.Н.* Хронология погребений саргатской культуры // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1981. Вып. 15. С. 103–109; *Она же.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988; *Она же.* Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Отв. ред. В.М. Кулемзин, В.И. Матющенко. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 113–169; *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987; *Погодин Л.И.* Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998; *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000; *Она же.* Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // Российская археология. 2017. № 4. С. 3–20; и т.д.

обрядности². Не менее активно прорабатывалась палеодемографическая и социальная характеристика населения³. Закрепилась гипотеза о селективном принципе курганного обряда⁴. В то же время следует признать, что в устоявшихся в литературе характеристиках погребальной обрядности и социальных интерпретациях саргатского общества был учтен ограниченный объем палеоантропологических сведений – определения пола и возраста. Между тем выход на социальные интерпретации предполагает специальные знания других дисциплин. В фокусе внимания оказываются результаты палеопатологического и набирающих обороты палеогенетического и изотопного изучения населения региона⁵. Их использование в археологическом контексте по объективным причинам обеспечивает эффективность биоархеологического направления, а главное, достоверность получаемых интерпретаций. Перенос акцента на индивида, его взаимодействие с материальным миром раскрывает иные возможности, позволяя изучать социальные группы, вписывая биологические характеристики в социальный контекст. В западной археологии такой подход интерпретационного

² См., например: *Корякова Л.Н.* Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Отв. ред. В.М. Кулемзин, В.И. Матюшенко. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 113–169; *Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; *Чикунова И.Ю.* Хозяйство и быт населения саргатской культуры Притоболья (к реконструкции хозяйственно-культурного типа): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006; *Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009; *Берлина С.В.* Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010; и т.д.

³ *Матвеева Н.П.* Материалы к палеодемографии саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 87–97; *Она же.* Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск, 2005. С. 129–151; *Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

⁴ *Ковригин А.А., Ражев Д.И.* К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке // Россия и Восток: археология и этническая история: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 39–41.

⁵ *Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009; *Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Молодин В.И., Кобелева Л.С., Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В.* Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4 (45). С. 132–142; *Шарапова С.В., Пилипенко А.С., Ражев Д.И., Трапезов Р.О., Черданцев С.В.* Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 3. С. 353–378; *Шарапова С.В., Бачура О.П., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Косинцев П.А., Костомаров В.М., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Якимов А.С.* Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 65–96.

направления получил определение *peopling the past*⁶. Дословный перевод – заселяя (очеловечивая) прошлое – в русском языке звучит неуместно. Поиск адекватного значения перевода привел к биоархеологическому направлению⁷ с упором на исследование палеоантропологического материала в археологическом контексте⁸. Контекстуальный анализ, не будучи направленным на поиск статистических закономерностей, не исключает описательной канвы фактического материала и предполагает комплексный междисциплинарный подход к рассмотрению массива данных, в том числе в сравнительном аспекте⁹. В этом отношении результаты новых исследований старых материалов с известными оговорками могут быть успешно использованы (ограничения вызваны сохранностью археологических объектов и коллекций, методикой исследований и т.п.). При таком ракурсе изучение материалов древних погребений, в том числе разрушенных, в ряде случаев позволяет получить оригинальную информацию, которая теряется при статистическом анализе. Именно комплексным междисциплинарным подходом к анализу археологических памятников обусловлена актуальность темы: биоархеологическая характеристика древнего населения через изучение остатков его материальной культуры и образа жизни, попытка уточнить его происхождение и связи. Более того, биоархеология в ее современном понимании сфокусирована на разностороннем изучении останков человека,

⁶ Fowler C. The archaeology of personhood: an anthropological approach. London, New York, 2004.

⁷ Buikstra J.E. Biocultural dimensions of archaeological study: a regional perspective // Biocultural adaptation in prehistoric America / Ed. by Blakely R.L. Athens, 1977. P. 67–84; Larsen S.C. Bioarchaeology: interpreting behavior from human skeleton. Cambridge, 1999; Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995; Она же. Homo sapiens: история болезни. М., 2005; Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995; Козловская М.В. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы: антропологический очерк. М., 1996; и т.д.

⁸ Шапанова С.В., Ражев Д.И. Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154; Они же. Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // Российская археология. 2016. № 3. С. 60–72; и т.д.

⁹ См., например: Hodder I., Hutson S. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge, 2003; Agarwal S.C., Glencross B.A. (eds.). Social bioarchaeology. Oxford, 2011; Шапанова С.В. Биоархеология населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 3. С. 323–350; и т.д.

синтезируя биологический и культурный контекст погребального источника, в этом она созвучна социальному направлению в археологии¹⁰.

В русле таких исследований материалы раскопок погребений занимают совершенно определенное место, позволяя рассматривать особую форму адаптации населения к внешним и внутренним условиям среды. При этом комплексное понятие среды включает не только природную, но и созданную человеком – социальную¹¹.

Рассмотрению этого корпуса сведений посвящена диссертационная работа. В ее основе – хорошо известный источник, который благодаря междисциплинарному подходу получил новое содержание и интерпретации, где известные материалы рассматриваются по принципу от общего к частному и от частного к особенному. Между тем с момента исследовательского подъема в археологии саргатской культуры 70–90-х гг. прошлого века существенно увеличилась источниковая база по Притоболью. Изучение опорных памятников этого локального варианта проводилось в междисциплинарной парадигме, позволяя прорабатывать новые подходы и анализировать социальные аспекты¹². Более того, активизация междисциплинарных проектов в урало-сибирской археологии способствовала успешной апробации биоархеологического подхода уже для памятников других территорий и эпох¹³.

Целью исследования является биоархеологическая характеристика населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке на основе комплексного анализа материалов курганных захоронений. Исходя из этого, ставятся следующие **задачи**:

¹⁰ Knüsel C. Bioarchaeology: a synthetic approach // *Bulletins et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. 2010. № 22. P. 62–73.

¹¹ *Общая палеоэкология* / Под ред. Г.Н.Киселева, А.В.Попова. СПб., 2000. С. 5–10; Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005. С. 10–11.

¹² См., например: Шарпова С.В., Ражев Д.И. Биоархеология черепных травм саргатского населения // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 1 (53). С. 143–154; *Они же*. Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // *Российская археология*. 2016. № 3. С. 60–72; Шарпова С.В., Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 1 (24). С. 84–95; и т.д.

¹³ См., например: Луайе Ж., Шарпова С.В. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 1 (54). С. 103–113; Карпетян М.К., Шарпова С.В., Якимов А.С. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 1 (62). С. 2–37; и т.д.

1) систематизация, анализ и обобщение материалов раскопок погребальных памятников раннего железного века в пределах ареала распространения саргатской культуры;

2) формирование информационных блоков (электронных таблиц) по погребениям локальных серий саргатской культуры для всех возрастных групп с учетом половозрастной и морфологической принадлежности изучаемых индивидов, результатов палеопатологических определений, данных палеогенетического анализа;

3) дополнения к существующей характеристике погребальной обрядности с привлечением данных полевой антропологии;

4) ревизия и уточнение существующих датировок погребальных комплексов саргатской культуры;

5) обоснование верхней хронологической границы саргатской культуры;

6) сопоставление результатов палеоантропологического и палеогенетического изучения скелетных останков и археологического контекста;

7) поиск вероятных объяснений выявленным палеопатологическим проявлениям сквозь призму социальной среды;

8) обобщение и интерпретация полученных данных, их оценка с позиций социальной археологии.

Объектом исследования является население раннего железного века в границах лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири.

В качестве **предмета исследования** выступают материалы археологических раскопок погребальных памятников изучаемого региона.

Источниковая база работы представлена материалами раскопок 41 могильника раннего железного века (208 курганов и восемь бескурганных погребений), исследованных с конца 1960-х гг. до 2021 г. Эти памятники картографированы, общие сведения о них даны в таблице 1 (гл. 1, § 5). Обработаны полевые отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах Института археологии РАН и Института истории и археологии УрО РАН, фондах и архиве

Археологического музея УрФУ (прежде архив Кабинета археологии УрГУ), Музейного комплекса ОмГУ, публикации памятников¹⁴. Анализируемая выборка включает 674 погребальных комплексов, из них девять кенотафов. Поскольку наличие палеоантропологических определений является принципиальным, единицей анализа является индивид, а не погребение. Изученная серия представлена останками минимум 694 индивидов, обследованных по аналогичным системам признаков¹⁵. Материалы десяти могильников Притоболья получены автором или при участии автора в составе Зауральской лесостепной археологической экспедиции (сначала УрГУ, затем ИИиА УрО РАН); учтены результаты раскопок кургана Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье¹⁶. Корпус источников дополнен данными по поселенческим памятникам, раскопанным широкими площадями и изученным наиболее полно.

Хронологические рамки исследования определяются периодом существования саргатской культуры на территории лесостепи Зауралья и Западной Сибири – V вв. до н.э. – III в. н.э. Традиции материальной культуры и обрядности аборигенных групп предсаргатского времени (впоследствии

¹⁴ Искренняя благодарность адресована коллективу российско-французского проекта: Л.Н. Коряковой, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригину, П. Курто, Л. Лангвету, Ж.-П. Потро, Д.И. Ражеву, М.-С. Юже, в тесном контакте с которыми отработан не один полевой сезон в Зауралье. Выражаю глубокую признательность Л.Н. Коряковой, В.И. Молодину, Л.В. и С.Ф. Татауровым, А.Я. Труфанову за возможность использования материалов из отчетов; А.С. Пилипенко за информацию по палеогенетическим исследованиям; Д.В. Киселевой за проведение анализа соотношения изотопов стронция. Самые теплые слова симпатии обращены моим друзьям и коллегам из научных центров Берлина, Бреста, Волгограда, Екатеринбурга, Киева, Кракова, Москвы, Новосибирска, Омска, Сургута, Тюмени, Уфы, Франкфурта-на-Майне, Челябинска, Энема за их неподдельный интерес, многочисленные обсуждения и помощь с литературой. Доброжелательная атмосфера работы в архивах и библиотеках создавалась сотрудниками Археологического музея УрФУ, Евразийского отдела Германского археологического института, ИА РАН, Института археологии и этнологии ПАН в Кракове, ОмГУ, Франкфуртского университета.

¹⁵ Ковригин А.А., Ражев Д.И. Ковригин А.А., Ражев Д.И. К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке // Россия и Восток: археология и этническая история: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 39–41; Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009; Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (на материалах погребально-культовой площадки Скворцовая гора V). Екатеринбург, 2011; Зубова А.В., Ермолаева М.С., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Патологические особенности скелета из саргатского кургана Яшкино-1 // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул, 2014. С. 555–560; Чикунова И.Ю. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // ABORIGIN: археолого-этнографический сборник. 2017. Вып. 9. С. 79–110.

¹⁶ Шарапова С.В., Бачура О.П., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Косинцев П.А., Костомаров В.М., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Якимов А.С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 65–96.

включенных в сферу влияния саргатского населения), не только обусловили специфику западного ареала, но и позволили проанализировать древности саргатской общности. Верхняя дата определяется исчезновением основных (диагностических) черт саргатской культуры в границах лесостепи.

Географические рамки работы охватывают лесостепную зону Зауралья и Западной Сибири: бассейны рек Иртыш, Ишим, Тобол и их притоков. Это соответствует современной Новосибирской, Омской, Курганской, Тюменской и Свердловской областям РФ, а также Северо-Казахстанской области РК. Данная территория известна как основной ареал распространения как саргатских древностей, так и стереотипов культуры на его окраинах (саргатская общность).

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности, традиционно используемые в отечественной археологии как исторической науке, изучающей историю человечества по материальным остаткам. Они обеспечиваются интегрированием разнообразных методов (синтеза, сравнительно-типологического, датированных аналогий) и отвечают комплексному анализу материалов археологических раскопок, определяются поставленными задачами и состоянием корпуса источников. В рамках междисциплинарного подхода в работе широко привлекаются естественно-научные данные: палеоантропологические, палеогенетические, радиоуглеродного датирования, археологического почвоведения. Такой способ реализации в общем русле отечественных исследований реконструирует среду обитания, включающей и материальную культуру, и социальные отношения. В работе использованы результаты изучения тафономических трансформаций, неспецифических маркеров стресса, реконструкция физической активности, предпринятых на палеоантропологическом материале¹⁷. Сопоставление результатов

¹⁷ *Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009; *Шарапова С.В., Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154; *Они же.* Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // Российская археология. 2016. № 3. С. 60–72; *Луайе Ж., Шарапова С.В.* Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 103–113; *Карпетян М.К., Шарапова С.В., Якимов А.С.* Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 2–37.

палеопатологического обследования скелетных останков из могильников в археологическом контексте и поиск соответствия разным данным в диссертационном исследовании опираются на интерпретационное направление западной постпроцессуальной археологии, с выбором социального, кросс-культурного и контекстуального подходов¹⁸, активно используемые в современной российской археологии¹⁹.

Научная значимость диссертации заключается не только в анализе и обобщении значительного по объему массива данных, полученных в ходе полевых, камеральных и лабораторных междисциплинарных исследований материалов археологических памятников раннего железного века лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири, но в развитии биоархеологического направления в изучении саргатской культуры. Введена в научный оборот новая информация, раскрывающая особенности погребальной обрядности населения региона, его образа жизни, социальных отношений. Обосновано уточнение верхней хронологической границы саргатской культуры. Тщательная ревизия материалов старых раскопок позволила скорректировать существующие интерпретации. Результаты исследований в русле разных дисциплин (археологии, палеоантропологии, палеогенетики и др.) не только демонстрируют возможности различных подходов по отдельности: сведенные вместе, они представляют многомерную характеристику древнего социума, подчеркивая научный потенциал и перспективы биоархеологических реконструкций как в масштабах саргатской культуры, так и древнего населения Евразии в целом.

Научная новизна обусловлена широким пространственно-хронологическим диапазоном и контекстом. Саргатские древности впервые стали предметом междисциплинарного изучения в масштабах всей культуры,

¹⁸ Hodder I., Hutson S. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge, 2003; Agarwal S.C., Glencross B.A. (eds.). Social bioarchaeology. Oxford, 2011; etc.

¹⁹ См., например: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Корякова Л.Н. Стратификация, иерархия, власть и становление государств в архаичных обществах (обзор основных концепций) // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Вып. 3. Кемерово, 2007. С. 74–93; и т.д.

которое опирается на максимально доступный круг источников, включая хорошо документированные результаты полевых работ Зауральской лесостепной археологической экспедиции в Притоболье (УрГУ/ИИиА УрО РАН; далее – ЗЛСАЭ) и раскопки автора в Среднем Прииртышье.

Новое осмысление материалов обеспечивается комплексным источниковедением. Привлечение результатов палеоантропологического анализа в качестве отправной точки исследования не только сформировало источник, равноценный археологическому, но и позволило дать всестороннюю характеристику древним обитателям региона, в том варианте, в котором они реконструируются по археологическим и антропологическим данным. Биоархеологические аспекты исследования, рассмотренные в контекстном археологическом ракурсе, относятся к категории новаций. Часть материала впервые включена в обобщающую работу по саргатской культуре. На сравнительном фоне обсуждаются вопросы хронологии, возрастные и социальные аспекты, материальная атрибутика погребений.

Практическая ценность. Результаты могут быть использованы при изучении истории населения Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке, при написании обобщающих трудов по археологии и истории, в разработке лекционных курсов, при создании учебных пособий для студентов, в музейной работе. Материалы исследования могут привлекаться для дальнейшего изучения древностей саргатской культуры, полученных в ходе новых полевых работ.

Личное участие автора в получении результатов исследования. Материалы одиннадцати могильников получены автором или при участии автора в Зауралье и новых работ в Среднем Прииртышье. Соискателем обработаны полевые отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах Института археологии РАН и Института истории и археологии УрО РАН, фондах и архиве Археологического музея УрФУ, Музейного комплекса ОмГУ, публикации памятников и введены в научный оборот результаты биоархеологического изучения саргатских древностей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Устоявшиеся представления о хронологических рамках саргатской культуры охватывают интервал V в. до н.э. – IV–V вв. н.э. Исследования последних лет, как на основной территории, так и за пределами саргатского ареала, дают основания для уточнения поздней даты. Комплексы, маркирующие верхнюю хронологическую границу культуры, известны в семи могильниках в Притоболье и Приишимье: Савиновском, Тютринском, Гаевском 1, Абатском 3, Ипкульском, Покровском и Явленка 1. Судя по имеющемуся материалу, во второй половине III в. н.э. происходят угасание и размывание основных черт саргатской культуры, она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала, что выглядит довольно резким. Археологическим проявлением этого является исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультурной системы.

2. Различия в отношении маркеров физической активности в совокупности с маркерами питания и состояния здоровья, разделившие разнополых взрослых саргатской курганной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» и «спокойный» морфотипы²⁰, находят соответствие в археологическом материале.

3. В саргатском обществе социальные маркеры наряду с другими представлены и обычаем кольцевой деформации головы. Несмотря на малочисленность, что позволяло бы говорить о принадлежности к группе «избранных», захоронения людей с деформированными черепами располагались на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами. Совокупность археологических данных – узкие могильные ямы, наличие нишеобразных расширений для установки заупокойных даров, погребальный инвентарь – позволяет синхронизировать эти комплексы с позднесарматскими Южного Приуралья II–III вв. н.э.

²⁰ Ражев. Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.

4. Небольшое количество травматических повреждений, относимых к разряду боевых, не позволяет признать саргатское общество воинственным. Согласуются с этим единичное количество боевых ранений у женщин и отсутствие в саргатской курганной выборке останков детей со следами насильственных травм, а также материалы раскопок саргатских городищ, где не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожарищ, нет и следов опустошительных вторжений и их жертв. «Изобилие» оружия следует считать социальным маркером. Состав репрезентативных инсигний универсален и связан с мужской субкультурой.

5. Материалы раскопок курганных могильников лесостепи не позволяют принять гипотезу о существовании в саргатском обществе женщин-воительниц²¹. Единичные находки наконечников стрел, кинжалов, элементов сбруи в погребениях не отражают участия женщин в воинских формированиях в качестве лучниц. Конская сбруя может быть интерпретирована как часть воинского набора, но только во взаимосвязи с предметами вооружения.

6. Захоронения женщин старшей возрастной группы сопровождались несколько бóльшим количеством ритуальной пищи, остатки которой зафиксированы в погребениях в виде костей животных (от двух-трех частей туши) и сосудов (до пяти емкостей).

7. Материалы могильников отражают социальную легитимацию погребального обряда населения саргатской культуры. Родственные связи, несомненно, были одним из условий захоронения в кургане. Существование практики отсроченных похорон позволяет утверждать сложный и разносторонний характер мотивов погребения и/или подхоронения в кургане. В

²¹ *Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988; *Она же.* Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Отв. ред. В.М. Кулемзин, В.И. Матющенко. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 113–169; *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000; *Она же.* Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск, 2005. С. 129–151; *Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; *Она же.* Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 72–79; *Berseneva N.* Women and children in the Sargat culture // Are all warriors male? Gender roles on the ancient Eurasian Steppe / Ed. by K.M. Linduff, K.S. Rubinson. Walnut Creek, 2008. Ch. 7. P. 131–151.

их числе – сезонный характер захоронений, а также социальное родство, когда умершие не являлись близкими родственниками по материнской и отцовской линиям. Другая возможная причина – более отдаленные варианты родства. Факт достижения «социальной зрелости» определялся уровнем физического развития ребенка.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в докладах на российских и международных научных конференциях: I–III Северных археологических Конгрессах (Ханты-Мансийск, 2002, 2006, 2010); Грязновских чтениях (Омск, 2006, 2017); всероссийской конференции «Человек и Север: антропология, археология и экология» (Тюмень, 2012); всероссийском научно-практическом семинаре «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)» (Челябинск, 2013 г.); IX–XI международных научных конференциях «Проблемы сарматской археологии и истории» (Оренбург, 2016; Севастополь, 2019; Волгоград, 2023); IV научной конференции «Археологические источники и культурогенез» (Санкт-Петербург, 2017); международной конференции «Вещь в контексте погребального обряда» (Москва, 2020); ежегодных конференциях Европейской Ассоциации археологов (Санкт-Петербург, 2003; Краков, 2006; Задар, 2007; Гаага, 2010; Хельсинки, 2012; Берн, 2019); междисциплинарной конференции «Serica-Da Qin. Over 2000 years of Sino-Western relations» (Вроцлав, 2009); археологических семинарах Жешувского университета (Жешув, 2009) и Института археологии и этнологии ПАН (Краков, 2009, 2013); международных конференциях «Contact zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD» (Москва, 2017), VI Нижневолжской «Волго-Уральский регион от древности до средневековья» (Волгоград, 2021), «Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)» (Санкт-Петербург, 2022), «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии» (Барнаул, 2023); VI Северном археологическом Конгрессе (Сургут, 2024); IX Всероссийской научной конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале. Интеграция гуманитарного и естественно-научного подходов в

археологии раннего металла» (Челябинск, 2025); Всероссийской с международным участием научной конференции «Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур» (Уфа, 20026); международной научной конференции памяти Д.Г. Савинова «Археология, история и этнография скотоводов и кочевников Сибири и Центрально Азии» (Санкт-Петербург, 2026). Отдельные главы и диссертационная работа в целом были представлены на заседаниях Центров археологии и этнографии ИИиА УрО РАН, Отдела теории и методики ИА РАН, кафедры археологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Итоги многолетних исследований и положения обобщены в 69 печатных работах на русском, английском, немецком и французском языках общим объемом 258,35 п.л., в том числе 29 статьях общим объемом 58,3 п.л. (авторский вклад – 28,05 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Структура работы определяется проблемно-хронологическим принципом. Диссертация состоит из двух томов. Том 1 содержит введение, четырех глав, заключения, списка источников и литературы. В томе 2 представлен иллюстративный материал. Общий объем составляет 557 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность, новизна, научная и практическая значимость исследования, сформулированы цель и задачи работы, указаны географические и хронологические рамки диссертации, ее источники, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** – «История изучения зауральско-западносибирских древностей и характеристика источников» – приведен обзор выявления и изучения древностей раннего железного века региона: с момента кладоискательства в XVII–XVIII вв. до конца XX в. Представленная

информация демонстрирует трансформацию отношения к древней культуре региона, дошедшей до потомков в археологизированном виде.

В первом параграфе – «Сибирское бугрование и Сибирская коллекция Петра I» – подчеркивается, что на начальной стадии основной движущей силой было любопытство, стимулировавшее интерес к изучению старины. Однако уже тогда выдвигались первые гипотезы о населении края в далеком прошлом. Этот интерес, выражавшийся часто в варварских формах и приведший к появлению профессиональных «грабителей-бугровщиков», возросшие масштабы приобрел в XVIII в. Сейчас не вызывает сомнения связь некоторых предметов из Сибирской коллекции с саргатскими курганами. Это стало возможным благодаря кропотливым усилиям и развернутой аргументации А.В. и Н.П. Матвеевых после предпринятых ими раскопок Тютринского могильника²².

Во втором параграфе – «Формирование научного знания» – отмечается, что изучение археологических памятников на просторах зауральской и западносибирской лесостепи было начато в разное время, восточнее Тобола – значительно позднее, и этот период растянулся почти на два столетия. Начало научного интереса к саргатским памятникам положено раскопками Коконевских и Саргатских курганов в Прииртышье²³, материалы которых были синхронизированы с сарматскими²⁴.

В третьем параграфе – «Зауральско-западносибирская археология в XX веке: география полевых работ, культурно-хронологические схемы и научные концепции» – делается вывод, что вторая половина XX в. знаменует масштабность изысканий, результатом которых стали необычайно высокий прирост фактического материала и необходимость его упорядочивания и

²² Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Саргатский могильник у д. Тютрина (по раскопкам 1981 года) // Краткие сообщения института археологии. 1985. № 184. С. 69–76; *Они же*. Будет ли решена загадка «плющеного золота» сибирских бугров? // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, 1991. С. 84–98.

²³ Левашева В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея в 1926–1927 гг. // Известия Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 159–160.

²⁴ Дмитриев П.А. Мысовские стоянки и курганы // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, 1928. Т. 4. С. 180–203.

систематизации. Археологическая карта региона дополнилась культурно-хронологическими группами и типами памятников.

В четвертом параграфе – «Культуры и общности лесостепного Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке» – рассматриваются многочисленные типы памятников, характеризующиеся и мозаичностью распространения, и стилистической вариативностью керамики. Ведущая роль в сложении археологического облика эпохи железа в лесостепи от восточных склонов Урала до Барабы отводится саргатской культуре. Отмечается, что внушительная источниковая база легла в основу исследований и культуры в целом, и отдельных аспектов, которые проводились в конце XX–начале XXI вв.

В пятом параграфе – «Археологические источники» – приводится информация о состоянии источников. Сведения о них включены в таблицы 1–2, содержащие информацию о количестве раскопанных курганов и могильных ям, степени сохранности захоронений. В плане культурной атрибуции – это погребальные памятники, оставленные носителями саргатской культуры, а также аборигенными группами Урало-Иртышской провинции, входившими в сферу саргатского влияния на разных этапах развития. Ревизия и критическое переосмысление ряда существующих положений позволяют решать старые научные проблемы в исследовании саргатской культуры на новом уровне, что нашло отражение в диссертационной работе.

В шестом параграфе – «Антропологический материал» – дана характеристика этого вида источников, основу которого составили определения Д.И. Ражева, в ряде случаев выполненных совместно с П. Курто (35 из 41 памятника), дополненные результатами работ А.Н. Багашева, М.К. Карапетян, О.Е. Пошехоновой, Е.О. Святовой, С.М. Слепченко, группы Т.А. Чикишевой. Подчеркивается, что материалы могильников Притоболья, раскопки которых соответствовали междисциплинарному подходу, не только стали опорными в диссертационном исследовании, но и могут рассматриваться таковыми в целом в археологии саргатской культуры (общности). Новый уровень комплексного

биоархеологического изучения представлен полевыми исследованиями автора в Среднем Прииртышье.

Вторая глава – «Саргатская культура на археологической карте железного века» – анализируются материалы раскопок археологических памятников лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

В первом параграфе – «Территория и особенности распространения археологических памятников» – подчеркивается, что имеющиеся в распоряжении археологов памятники отражают лишь степень изученности региона/эпохи/культуры. Реальность такова, что одни неизвестны, другие не сохранились. Массив полевых работ, в ходе которых были получены основные сведения, приходится на уже далекие 1960–1980-е гг.

Во втором параграфе – «Саргатская культура и саргатская общность» – отмечается, что признание факта существования в лесостепной зоне от Барабы до Притоболья группы памятников с характерными чертами материальной культуры, фиксируемыми, прежде всего, в керамике и домостроительстве, а также в погребальной обрядности, позволило сформировать и закрепить таксон «саргатская культура». Между тем различаемое археологами локальное и хронологическое многообразие потребовало выработки новых аналитических конструкций. Совокупность образований в пределах Тоболо-Иртышской провинции в раннем железном веке Л.Н. Корякова объединила в рамках саргатской общности²⁵. При всей мозаичности распространения им свойственны схожесть вещевого комплекса, близкие формы культуры, хозяйственной деятельности и ее результатов. Включение в работу древностей саргатской общности позволило анализировать материалы, в хронологическом отношении предшествующие сложению саргатской культуры или совпадающие с ней.

В третьем параграфе – «Материальный мир и погребальная обрядность» – проведен анализ материальной культуры, дана характеристика поселенческих

²⁵ Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург, 1991.

и погребальных памятников, культовых площадок. Обращается внимание на гипотетически возможную иерархию и/или разновременность топографически фиксируемых отличий в расположении разных по величине курганов и их количестве в некрополях. Сделан акцент на те аспекты погребально-поминальной практики, которые не получили должного упоминания прежде (описана практика отсроченных похорон, детализированы посмертных обрядовых практик и особенности устройства погребальных камер, приведена сводка о кенотафах). Особое внимание уделено уточнению хронологической атрибуции плоскодонных сосудов и предметов ременной гарнитуры; предложена интерпретация фактов нахождения пряслиц или предметов, традиционно ассоциируемых с ними, в погребениях мужчин и детей.

Глава три – «Вопросы хронологии и тафокомплекс» – посвящена рассмотрению актуальных проблем датировки как этапов развития культуры, так и погребальных комплексов, а также палеодемографических аспектов.

В первом параграфе – «Периодизация» – датировка материалов опорных памятников устанавливалась в соответствии с периодизацией, разработанной Л. Н. Коряковой²⁶. В то же время показана необходимость ревизии существующих датировок погребальных комплексов, поскольку сопряжена с рассмотрением «диапазонов активности» саргатского социума.

Во втором параграфе – «Верхняя хронологическая граница» – обосновывается поздний этап, рассмотрение которого важно еще и потому, что он непосредственно связан с уточнением времени, когда перестают фиксироваться основные (диагностические) признаки культуры, оставленной исследуемым населением. За неимением убедительных датировок отдельных памятников, но принимая во внимание яркий позднесарматский облик некоторых саргатских погребальных комплексов, референтными на этом пути могут быть позднесарматские находки Южного Приуралья с детально

²⁶ Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / Отв. ред. В.М. Кулемзин, В.И. Матющенко. Томск, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 129.

проработанной хронологией²⁷. Анализ источниковой базы выявил комплексы, относимые к погребениям поздней хронологической группы саргатской культуры. Они представлены в материалах семи могильников в Притоболье и Приишимье.

В третьем параграфе – «Социальные и демографические характеристики саргатского тафокомплекса» – обращается внимание на то, что смена исследовательской парадигмы в археологии саргатской культуры произошла после открытия бескурганных захоронений в Притоболье, их анализа с материалами поселений. Оценка палеодемографических показателей базируется на осознании того, что половозрастной состав погребенных в курганах индивидов является результатом преднамеренного социального отбора, обнаруживается еще на ранних этапах развития культуры (рис. 1). Привлечение антропологического материала и разных возможностей его анализа позволяет более глубоко исследовать эту проблему, что и предложено в следующей главе.

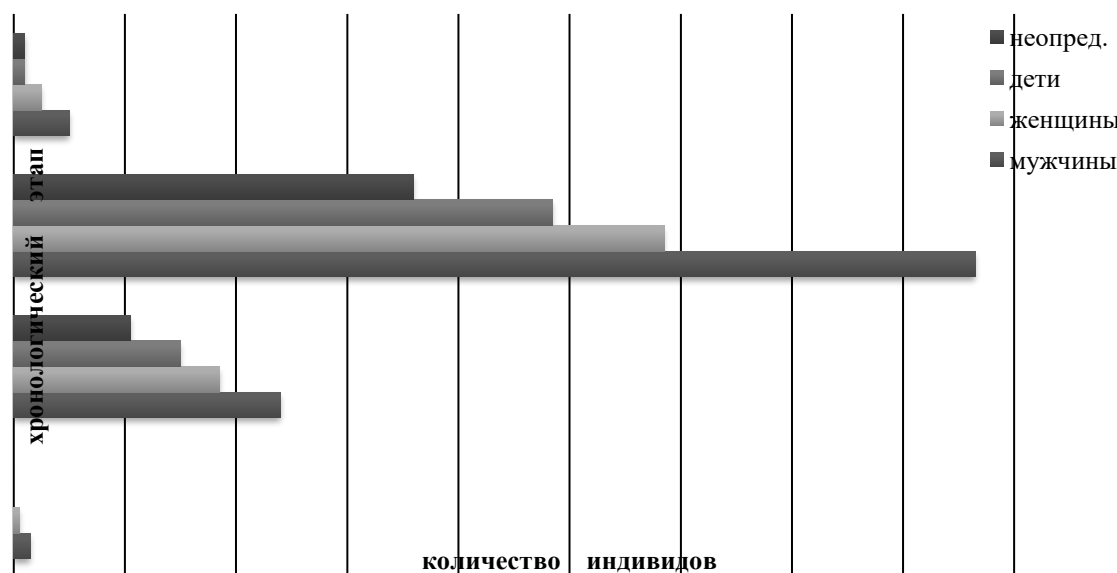

Рисунок 1 – Количественное соотношение индивидов в хронологических группах

²⁷ Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н.э.: дис. ...канд. ист. наук. М., 2013.

В главе четвертой – «Биоархеология лесостепного социума» – представлены примеры растущего интереса к междисциплинарной тематике, в том числе ориентированного на проведение палеогенетических и изотопных исследований, реализованных на материалах саргатской культуры. Подчеркивается, что такой подход может иметь значительный потенциал, интегрируя биологические аспекты изучения антропологического материала и археологический контекст. Отмечается, что в основе предлагаемой характеристики населения саргатской культуры – синтез данных половозрастной принадлежности, морфологических особенностей погребенных, палеопатологических определений, палеогенетики. Акцентируется, что при таком подходе в фокусе внимания находится конкретный индивид, изучение скелетных останков которого в совокупности с археологическим материалом несет информацию о его образе жизни, культурных традициях, среде, в том числе социальной.

В первом параграфе – «Морфологические типы и материалы погребений: поиск соответствия» – рассматривается археологический контекст захоронений индивидов, маркеры физической активности (места прикрепления мышц и связок, артрозные проявления на суставных поверхностях) которых позволили Д.И. Ражеву разделить взрослую часть саргатской курганной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» и «спокойный» морфотипы²⁸. Представлен сопряженный анализ планиграфии погребений индивидов разного пола (рис. 2) и хронологии комплексов.

²⁸ Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009. С. 251–273.

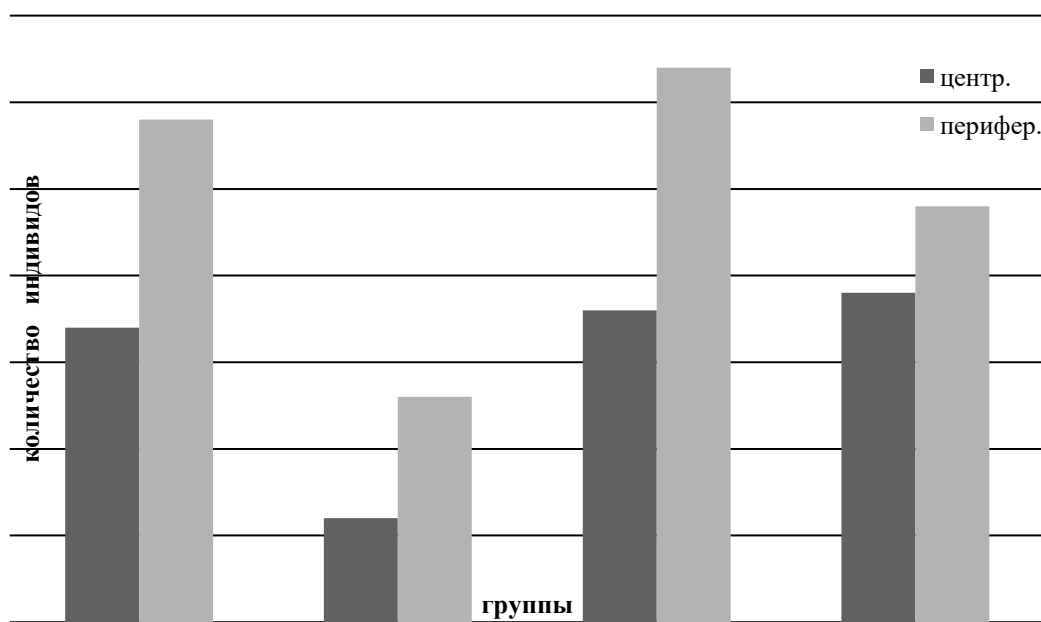

Рисунок 2 – Распределение мужчин и женщин, относящихся к разным морфологическим группам, по планиграфии погребений

Во **втором параграфе** – «Кольцевая деформация: социокультурный аспект» – содержится исследование феномена кольцевой деформации головы у лесостепного населения саргатской культуры. Подчеркивается, что в анализируемой выборке она определена у 39 индивидов в курганах Прииртышья, Приишимья и Притоболья среди мужчин только «активного» морфотипа, но среди представительниц как «активного», так и «спокойного» морфотипов. Обращается внимание на то обстоятельство, что могилы людей с деформированными черепами располагались чаще на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами. Предложена датировка лесостепных комплексов – от рубежа эр до II–III вв. н.э. Заключается, что появление кольцевой деформации в саргатской среде позволяет обозначить северный вектор распространения этого обычая.

В **третьем параграфе** – «Травмы в контексте социальной среды» – проводится сопряженный анализ захоронений индивидов с травматическими поражениями и предметов сопроводительного инвентаря. Отмечается, что археологические данные не противоречат гипотезе о вовлеченности саргатского

населения в военные конфликты, однако материалы раскопок поселений не фиксируют следов пожарищ, опустошительных вторжений и их жертв. При этом указывается, что свидетельством участия в боевых столкновениях является не только наличие комплектов вооружения в погребениях, но и следы травматических повреждений на костях. Обращает на себя внимание небольшое количество травм черепа – всего одиннадцать из погребений всех локально-хронологических групп. Утверждается, что о военных занятиях женщин оружие в составе погребального инвентаря может свидетельствовать только в сочетании с боевыми травмами костей скелета. Акцентируется, что, как правило, при анализе таких ситуаций за рамками обсуждений остаются различия между объективной реальностью, стоящей за археологическим предметом, и субъективным истолкованием в сознании исследователя. Подчеркивается, что военизированность быта в скотоводческих обществах имела не только материальное выражение (наличие большого количества оружия и поголовная вооруженность мужчин), но и неумышленный характер (состязания и военные игры), на что уже обращалось внимание²⁹.

В четвертом параграфе – «Данные изучения палеоантропологического материала к оценке социальной стратификации населения саргатской культуры» – даны результаты междисциплинарного изучения носителей саргатской культуры во взаимосвязи палеопатологии и палеогенетики и с археологическим материалом в контексте происхождения лесостепного социума, его среды обитания и связанного со средой социального поведения. Подчеркивается, что все исследованные захоронения элиты демонстрируют наличие репрезентативных инсигний, их состав практически универсален и связан по происхождению с мужской субкультурой, такая ситуация характерна для лесостепного и степного населения железного века Евразии в целом.

В пятом параграфе – «К характеристике элиты» – исследуются существующие концепции социальной сложности применительно к древностям

²⁹ *Першиц А.И.* Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества / Ред. Ю.В. Бромлей, А.И. Першиц. Москва, 1994. Т. 2. С. 167, 171.

саргатской культуры. Утверждается, что половозрастной состав курганных погребальных комплексов не соответствует демографическим характеристикам естественной смертности, что позволяет говорить о социально избирательном подходе к оформлению и/или формированию кладбищ представителями саргатского социума. Рассматриваются критерии курганного обряда, среди которых наличие родства, сезонный характер совершения захоронений, социальные мотивы, связанные с происхождением индивидов вне лесостепного ареала. Обращается внимание на результаты разнопланового изучения материалов саргатской культуры в терминах социальной археологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования в соответствии с поставленными задачами, формулируются выводы работы.

Привлечение современных подходов междисциплинарной направленности естественным образом определило обращение к истокам накопления и формирования научного знания о лесостепных древностях Зауралья и Западной Сибири середины I тысячелетия до н.э. – начала I тысячелетия н.э. Вплоть до середины XX в. сведения об археологических памятниках к востоку от Урала исчерпывались дореволюционными данными, полученными на протяжении почти двух столетий, составленными иностранными путешественниками, краеведами-любителями, реже – профессионалами. «Археологический бум» полевых работ второй половины XX в. не только выявил новые поселения и могильники, но и позволил связать часть предметов Сибирской коллекции с саргатскими курганами.

Основным результатом проделанной работы является то, что саргатские древности впервые стали предметом междисциплинарного изучения в масштабах всего ареала распространения, а анализируемые источники представлены максимально доступными материалами. Привлечение результатов палеоантропологического анализа в качестве отправной точки

исследования не только сформировало источник, равноценный археологическому, но и позволило дать всестороннюю характеристику древним обитателям региона.

С одной стороны, это дало возможность обратиться к «старым» проблемам на новом уровне, с другой – поставить новые вопросы, возникшие в ходе решения «старых» задач. При этом для ряда памятников Притоболья стратегия исследования предусматривала последовательность и непрерывность работы с источником с момента его получения до полной обработки.

Фиксируемый археологами погребальный обряд зауральско-западносибирского населения предполагал ингумацию под курганом или в уже имеющейся насыпи. Из-за фрагментарности данных и небольшого количества неграбленных могил по-прежнему нет однозначности в определении коллективных синхронных захоронений, однако там, где это было доступно, проведена верификация данных (например, мог. Богдановка, кург. В, погр. 13; Карташево 2, кург. 2, погр. 4; Кокуйский 3, кург. 3). В погребениях начальной стадии железного века зафиксировано воздействие огня различной степени интенсивности: от частичного обугливания до кремации (мог. Скворцовская гора V; Щучье, кург. 3, погр. 2). Примеры альтернативы курганному обряду (мог. Скаты 1, кург. 3, погр. 3; Сопининский 1, бескурганное погребение), половозрастная деформация курганной выборки, дисбаланс между количеством людей, похороненных в курганах и проживавших на поселениях, позволили говорить, что антропологический материал саргатской курганной выборки представлен останками индивидов, относящихся к социальной верхушке. Этот постулат основополагающий в диссертации. С учетом выбранной исследовательской парадигмы биологические параметры выступают в качестве независимого исторического источника.

Проделанная работа показала принципиальную возможность применения анализа посткраниального скелета в социальных реконструкциях, поскольку гипотетические построения основаны не на принципе отсутствия/наличия признака в изучаемой выборке (что наблюдается в различных археологических

исследованиях). Ученные характеристики физического состояния изучаемых индивидов (стрессы, нагрузки, травматические поражения и т.д.) даны в археологическом контексте. Опираясь на фактологический материал погребений и результаты палеоантропологического изучения скелетных останков, можно допустить, что представители «активного» морфотипа из-за повышенных нагрузок могут рассматриваться как выходцы из более низкой страты, а их принадлежность к социальной верхушке – благодаря личным заслугам. Мужчины и женщины «спокойного» морфотипа, вероятно, принадлежали к наследственной аристократии по факту рождения, они чаще хоронились в центральных могильных ямах. Как показало проведенное исследование, эти отличия проявляются наиболее ярко во взаимосвязи с маркерами питания и патологиями, и археологическим контекстом.

Совместное рассмотрение археологических и антропологических данных позволило выявить некоторые детали, недоступные этим областям по отдельности, и иначе взглянуть на известные материалы. Наиболее наглядно это демонстрирует женская выборка. Контекстуальный анализ погребений и данные палеопатологических исследований не позволяют принять гипотезу о существовании в саргатском обществе вооруженной группы всадниц или занятии женщин военным делом, выделяя этот эпизод из известных примеров за пределами саргатской ойкумены. Достижение старшего возраста женщинами отражено в количестве фиксируемой ритуальной пищи, остатки которой найдены в виде костей животных (преимущественно лошади) и сосудов. Погребения мужчин не столь выразительны, хотя для них более свойственен воинский по составу инвентарь. Тем не менее в саргатском погребальном источнике встречаются случаи несоответствия биологического пола и погребального инвентаря, что не только привлекает пристальное внимание, но и получает особую интерпретацию. В частности, помимо нахождения единичных наконечников стрел, своеобразные проявления девиантности в вещевом комплексе представлены находками в мужских погребениях предметов, относимых к пряслицам. Анализ их места в пространстве могилы,

состава инвентаря и результатов антропологических определений позволил говорить, что в ряде случаев имеет место ошибочная интерпретация дисковидных, шаровидных или цилиндрических предметов с отверстиями исключительно как пряслиц. В каждом конкретном случае функциональное назначение предмета могло быть различным: навершие меча (Сидоровка, кург. 1, погр. 1), темляк (Исаковка 1, кург. 3, погр. 6), пряслице (в подавляющем большинстве случаев). Находки пряслиц отдельно от остального инвентаря связывают не только с подношениями, но и с амулетами-оберегами, однако они могли быть и атрибутами игры или игрушками. Подобные интерпретации редко рассматриваются археологами, чаще всего предлагается культовая или утилитарная функция предмета. Очевидно также и то, что в большинстве случаев мы не можем установить их назначение и отдать предпочтение одному из вариантов.

Выявленные изменения в составе инвентаря для разных когорт незрелых (с возрастом он становится разнообразнее) позволяют осторожно предположить, что полоролевая социализация у девочек происходила чуть раньше, чем у мальчиков. В то же время не исключается факт достижения «социальной зрелости» уровнем физического развития ребенка. Отдельные различия саргатской и гороховской погребальной обрядности, столь ярко выраженные в захоронениях детей IV–III вв. до н.э., отмечают локальные и хронологические особенности, которые позднее стали менее заметны.

Рассмотрение ременных гарнитур в составе вещевого комплекса позволило обособить пряжки. Возникновение в лесостепном ареале новых потребностей отразилось в появлении застежек с подвижным язычком в качестве неотъемлемой части материальной культуры. Истоки их появления на основе римских образцов в азиатском регионе можно отнести ко времени не ранее второй половины I в. до н.э.

В саргатском обществе социальные маркеры, помимо элементов костюма и вооружения, представлены и обычаем кольцевой деформации головы. Планиграфия погребений, из которых происходят такие черепа, позволила

предположить, что изменение естественной формы головы все же не гарантировало этим людям высших ступеней. Их могилы располагались преимущественно на периферии подкурганной площадки, заметно уступая погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами. Другой отличительной особенностью распространения этой практики в саргатской среде является ее малочисленность. Не менее показательны археологические проявления: узкие могильные ямы, наличие нишеобразных расширений для установки заупокойных даров, погребальный инвентарь соотносится с предметами, распространенными в позднесарматской культуре. Хронологическая оценка этой группы укладывается в рамки от рубежа эр до II-III вв. н.э. В целом кольцевая деформация на черепках некоторых индивидов отличает этот немногочисленный сегмент от остальных носителей саргатской культуры. На данном этапе результаты палеогенетического анализа однозначно не подтверждают, но и не опровергают гипотезу о южных истоках обычая изменения естественной формы головы в лесостепных коллективах. Несомненно, нужны дальнейшие исследования в этом направлении.

Рассмотрение травматических повреждений позволило подойти к обсуждению степени воинственности саргатских коллективов. С одной стороны, фиксируется заметная распространенность предметов вооружения и доспеха в сопроводительном инвентаре, что позволяло утверждать военизированность быта саргатских коллективов. В качестве дополнительного аргумента приводились масштабность и усложнение фортификации городищ как следствие военной напряженности и длительных вооруженных противостояний. С другой – в ходе исследования выявлено семь черепков со следами повреждений, относимых к категории боевых. С учетом травм посткраниального скелета такие ранения могли иметь около трети мужчин и женщин саргатской курганной выборки. Все же эти показатели значительно скромнее, чем боевой травматизм, наблюдаемый в других группах железного века. Согласуются с этими данными и материалы раскопок саргатских городищ, где не зафиксированы сколько-нибудь заметные следы пожарищ, нет

и следов опустошительных вторжений и их жертв. Небольшое количество травм позволяет говорить о контактности и открытости социокультурной системы, представленной саргатскими древностями, а «изобилие» оружия следует считать социальным маркером.

Исследования палеоДНК выявляют внешнее генетическое влияние, свидетельствующее о смешении разных компонентов в сложении саргатского генофонда. Упрочению связей саргатской социальной верхушки со степняками не в последнюю очередь способствовало ее формирование выходцами из кочевой среды (причем не только в середине, но во второй половине I тысячелетия до н.э.). Первые результаты изотопного анализа стронция органично дополняют этот тезис.

Следствием принятия лесостепным социумом понимания престижности импортных вещей стало не только формирование набора статусных предметов – оружия, посуды, украшений, – но и в определенной мере наблюдаемая практичность саргатского населения по отношению к этим вещам (в ряде случаев все же контрастирующая с богатством инвентаря). Такой прагматизм выражался депонированием в погребение неместного происхождения предметов со следами ремонта или их фрагментов.

Сопоставление разнообразных данных позволяет говорить о социальной легитимации в саргатской погребальной практике. Хотя значимость родственных связей и не отрицается полностью (например, для некоторых индивидов в кург. 5 и 6 мог. Гаевский 1 биологическое родство установлено по сходству морфоостеологических признаков), они не были обязательным условием для захоронения в одном кургане. Практика отсроченных похорон отражает сложный и разносторонний характер мотивов погребения и/или подхоронения в кургане.

Устоявшиеся представления о хронологических рамках саргатской культуры охватывают интервал V в. до н.э. – IV-V вв. н.э. Исследования последних лет, как на основной территории, так и за пределами саргатского ареала, дают основания для уточнения верхней хронологической границы.

Вероятно, во второй половине III в. н.э. происходят угасание и размывание основных черт саргатской культуры, она отсутствует на большей части лесостепи к востоку от Урала. Если эти допущения верны, то исчезновение ярких выразительных комплексов, определявших облик саргатской социокультурной системы, выглядит довольно резким. На обширном лесостепном пространстве саргатские памятники IV в. н.э. и позже мне неизвестны. Сказанное не означает тотальную депопуляцию лесостепной территории и ее окраин, в большей мере оно справедливо к археологическим проявлениям, не позволяющим фиксировать смену культур (или фазы сложения и распада).

В результате проделанной работы предложено новое осмысление материалов и проблематики саргатской культуры, в основе которого – комплексное источниковедение. Междисциплинарный подход позволил полнее раскрыть информационный ресурс разных материалов, в том числе полученных из разрушенных погребений. Сложение саргатской культуры было стимулировано не только внутренним развитием лесостепных групп, но определялось и внешним окружением (что отразилось и в появлении новых потребностей социальной верхушки, включая вещевой комплекс и курганный обряд), и в формировании особой социокультурной адаптации к внешним и внутренним условиям среды.

Изложенные в диссертации результаты всестороннего изучения материалов погребений дают основания отнести рассмотренные подкурганные комплексы к захоронениям саргатской элиты. Иными словами, эта группа иллюстрирует определение «лучшее меньшинство». В целом проведенное исследование не только дает готовые ответы на многие вопросы, но и ставит новые, поскольку не все направления аналитической работы с материалами раскопок прошлых лет завершены, другие разработки еще предстоит осуществить в ходе новых проектов, научная необходимость которых очевидна.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях, в том числе в соавторстве:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Sharapova S.* Trans-Uralian Iron Age Ceramics – A New Outlook // European Journal of Archaeology. 2004. Vol. 7. № 2. Pp. 177–197. (2 п.л.). EDN LIKUEL. Импакт-фактор 1,7 (JCI).
2. Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., *Шарапова С.В.*, Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74. (1/0,2 п.л.). EDN: OJMKIL. Импакт-фактор 0,820 (РИНЦ).
3. Razhev D., *Sharapova S.* Warfare or Social Power: A Bioarchaeological Study of the Iron Age Forest-Steppe Populations in the Trans-Urals and Western Siberia // Praehistorische zeitschrift. 2012. Vol. 87. № 1. Pp. 146–160. (3/1,5 п.л.). EDN: RGIQPH. Импакт-фактор 0,556 (JIF).
4. *Шарапова С.В.*, Ражев Д.И. Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154. (1/0,5 п.л.). EDN: PXQOON. Импакт-фактор 0,820 (РИНЦ).
5. Берсенов А.Г., Корякова Л.Н., Чечушков И.В., *Шарапова С.В.* Псалии с поселения Каменный Амбар // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 46–54. (1/0,25 п.л.). EDN: SMEJDN. Импакт-фактор 0,820 (РИНЦ).
6. Razhev D., *Sharapova S.* Peopling the past: female burials of the Iron Age Forest-Steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift. 2014. Vol. 89. № 1. Pp. 157–176. (3/1,5 п.л.). EDN: UFQSHX. Импакт-фактор 0,556 (JIF).

7. **Шарапова С.В.**, Ражев Д.И. Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // Российская археология. 2016. № 3. С. 60–72. (1/0,5 п.л.). EDN: WLYHNMN. Импакт-фактор 0,27 (JCI).
8. Луайе Ж., **Шарапова С.В.** Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 103–112. (0,9/0,5 п.л.). EDN: YGTEYN. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
9. **Шарапова С.В.** Биоархеология населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 3. С. 323–350. (3 п.л.). EDN: XTZRNV. Импакт-фактор 0,25 (JCI).
10. **Шарапова С.В.** Искусственная деформация черепа в саргатской среде (биоархеологический аспект) // Краткие сообщения Института археологии. 2018. № 250. С. 243–259. (1 п.л.). EDN: XSVQBV. Импакт-фактор 0,19 (JCI).
11. Карапетян М.К., **Шарапова С.В.**, Якимов А.С. Материалы к характеристике населения эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 28–37. (0,9/0,5 п.л.). EDN: YZPHN. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
12. Корякова Л.Н., Краузе Р., **Шарапова С.В.**, Пантелеева С.Е., Косинцев П.А. Археология образа жизни (по материалам исследований памятников эпохи бронзы Южного Зауралья) // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 40–51. (0,9/0,4 п.л.). EDN: PAXWLO. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
13. **Шарапова С.В.** Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 218–246. (2,8 п.л.). EDN: XFNDG. Импакт-фактор 0,55 (SJR).
14. **Шарапова С.В.**, Пилипенко А.С., Ражев Д.И., Трапезов Р.О., Черданцев С.В. Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 3. С. 353–378. (3/1 п.л.). EDN: OYWPGJ. Импакт-фактор 0,25 (JCI).

15. Карапетян М.К., Лейбова Н.А., **Шарапова С.В.** Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 133–148. (1/0,2 п.л.). EDN: JAEBSH. Импакт-фактор 0,32 (SJR).
16. Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., **Шарапова С.В.** Хроматографическое изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в Среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 657–663. (1/0,4 п.л.). EDN: XHIUZC. Импакт-фактор 0,579 (РИНЦ).
- Переводная версия: Kiseleva D.V., Danilov D.A., Domracheva D.V., Trufanov A.Ya., Khorkova A.N., Sharapova S.V. Gas Chromatography–Mass Spectrometry (GC-MS) Study of the Archaeological Plant Mixture from an Elite Burial Mound of the Sargat Culture in the Middle Irtysh River Basin // Nanotechnologies in Russia. 2020. Vol. 15. №№ 9–10. Pp. 617–622. (1/0,4 п.л.). EDN: ATRVPD. Импакт-фактор 0,19 (Scopus/SJR).
17. Булакова Е.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., **Шарапова С.В.**, Якимов А.С. Погребальная посуда и пищевые стратегии в древности // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 60–70. (1/0,6 п.л.). EDN: UKBBGC. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
18. **Шарапова С.В.**, Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы I–III вв. н.э. из лесостепных памятников Тоболо-Иртышья // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 171–192. (2/1 п.л.). EDN: EWUBFT. Импакт-фактор 0,55 (SJR).
19. **Шарапова С.В.**, Труфанов А.Я., Киселева Д.В., Шагалов Е.С., Данилов Д.А., Хорькова А.Н., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Рянская А.Д., Упорова Н.С. Об одной находке северокавказской керамики в элитном погребении могильника Исаковка I (Западная Сибирь) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18 № 2. С. 429–462. (2,5/1,0 п.л.). EDN: TORDYW. Импакт-фактор 0,57 (SJR).

20. Карапетян М.К., **Шаранова С.В.** Патологические изменения на скелетах из Неплюевского могильника эпохи поздней бронзы (курган 1) // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 2. С. 110–119. (1,5/0,5 п.л.). EDN: WKYYMV. Импакт-фактор 0,55 (SJR).
21. Scott A., Reinhold S., Hermes T., Kalmykov A.A., Belinskiy A., Buzhilova A., Berezina N., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Guliyev F., Lyonnet B., Gasimov P., Jalilov B., Eminli J., Iskandarov E., Hammer E., Nugent S., Hagan R., Majander K., Onkamo P., Nordqvist K., Shishlina N., Kaverzneva E., Korolev A.I., Khokhlov A.A., Smolyaninov R.V., **Sharapova S.V.**, Krause R., Karapetian M., Stolarczyk E., Krause J., Hansen S., Haak W., Warinner C. Emergence and intensification of dairying in the Caucasus and Eurasian steppes // Nature Ecology and Evolution. 2022. Vol. 6. Pp. 813–822. (3/0,1 п.л.). EDN: FPGMVX. Импакт-фактор 5,37 (SJR).
22. Evershed R.P., Davey Smith G., Roffet-Salque M., Timpson A., Diekmann Y., Lyon M.S., Cramp L.J.E., Casanova E., Smyth J., Whelton H.L., Dunne J., Brychova V., Šoberl L., Gerbault P., Gillis R.E., Heyd V., Johnson E., Kendall I., Manning K., Marciniak A., Outram A.K., Vigne J.-D., Shennan S., Bevan A., Colledge S., Allason-Jones L., Amkreutz L., Anders A., Arbogast R.-M., Bălăşescu A., Bánffy E., Barclay A., Behrens A., Bogucki P., Carrancho Alonso A., Carretero J.M., Cavanagh N., Claschen E., Collado Giraldo H., Conrad M., Csengeri P., Czerniak L., Dębiec M., Denaire A., Domboryczki L., Donald C., Ebert J., Evans C., Frances-Negro M., Gronenborn D., Haack F., Halle M., Hamon C., Hulshoff R., Ilett M., Iriarte E., Jakucs J., Jeunesse C., Johnson M., Jones A.M., Karul N., Kiosak D., Kotova N., Krause R., Kretschmer S., Kruger M., Lefranc Ph., Lelong O., Lenneis E., Logvin A., Luth F., Marton T., Marley J., Mortimer R., Oosterbeek L., Oross K., Pavuk J., Pechtl J., Petrequin P., Pollard J., Pollard R., Powlesland D., Pyzel J., Raczky P., Richardson A., Rowe P., Rowland S., Rowlandson I., Saile T., Sebők K., Schier W., Schmalfusch G., **Sharapova S.**, Sharp H., Sheridan A., Shevnina I., Sobkowiak-Tabaka I., Stadler P., Stäuble H., Stobbe A., Stojanovski D., Tasić N., van Wijk I., Vostrovskaya I., Vuković J., Wolfram S., Zeeb-Lanz A., Thomas M.G. Dairying, diseases and the

- evolution of lactase persistence in Europe // Nature. 2022. Vol. 608. №. 7922. Pp. 336–345. (4,3/0,1 п.л.). EDN: EVLACZ. Импакт-фактор 64,8 (JIF).
23. Blöcher J., Brami M., Feinauer I.S., Stolarczyk E., Diekmann Y., Vetterditz L., Karapetian M., Winkelbach L., Kokot V., Vallinig L., Stobbe A., Haakh W., Papageorgopoulou C., Krause R., **Sharapova S.**, Burger J. Descent, marriage, and residence practices of a 3,800-year-old pastoral community in Central Eurasia // Proceedings of National Academy of Sciences of the United States of America. 2023. Vol. 120. №. 36. Pp. e2303574120. (5/1 п.л.). EDN: HSEHKN. Импакт-фактор 4,03 (SJR).
24. **Шарапова С.В.**, Бачура О.П., Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Косинцев П.А., Костомаров В.М., Окунева Т.Г., Шагалов Е.С., Якимов А.С. Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 2. С. 65–96. (3/0,5 п.л.). EDN: FXBTJT. Импакт-фактор 0,55 (SJR).
25. Kiseleva D.V., Chervyakovskaya M.V., Chervyakovskiy V.S., Okuneva T.G., Soloshenko N.G., Bulatov V.A., Grachev M.A., Karapetian M.K., **Sharapova S.V.**, Shagalov E.S. Assessment of Diagenetic Transformations in Bioapatite for the Determination of the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ Isotope Ratio: A Case Study on an Early Iron Age Human Tooth from the Sargat Culture // Journal of Analytical Chemistry. 2023. Vol. 78. № 12. P. 1642–1650. (2/0,1 п.л.). EDN: HNSXSR. Импакт-фактор 1,1 (JIF).
- Переводная версия: Киселева Д.В., Червяковская М.В., Червяковский В.С., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Булатов В.А., Грачев М.А., Карапетян М.К., Шаропова С.В., Шагалов Е.С. Оценка диагенетических преобразований биоапатита для анализа изотопного отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ по результатам локального микроэлементного анализа на примере зуба человека (ранний железный век, саргатская культура) // Журнал аналитической химии. 2024. Т. 79. № 1. С. 50–60. (2/0,1 п.л.). EDN: LERWUG. Импакт-фактор 0,944 (РИНЦ).
26. Епимахов А.В., **Шарапова С.В.**, Столярчик Э., Штоббе А., Краузе Р. Влияние процедуры радиоуглеродного датирования на содержательные

интерпретации (Неплюевский могильник бронзового века в Зауралье) // Уфимский археологический вестник. 2024. Том 24. № 4. С. 661–669. (2/0,9 п.л.). EDN: MUANPN. Импакт-фактор 0,739 (SJR).

27. Грачев М.А., Зимина О.Ю., Приходько Н.В., **Шарапова С.В.** Курганы саргатской культуры Среднего Прииртышья: новые подходы к оценке социального ландшафта // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 4. С. 53–74. (2,5/1,0 п.л.). EDN: EVWOQJ. Импакт-фактор 0,731 (SJR).

28. **Шарапова С.В.**, Толмачева Е.Г., Костомарова Ю.В. Находки текстиля и пряслиц в погребениях саргатской культуры: новые данные // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 3. С. 598–609. (2/0,7 п.л.). EDN: POZVIO. Импакт-фактор 0,689 (SJR).

29. **Шарапова С.В.** Саргатская культура: между археологическим проявлением и историографической традицией // Краткие сообщения Института археологии. 2025. № 280. С. 360–377. (1 п.л.). EDN: QHYXAN. Импакт-фактор 0,460 (SJR).

Другие публикации по теме диссертации:

Статьи в журналах из Перечня ВАК, рекомендованных Минобрнауки РФ:

30. **Шарапова С.В.** Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 123–134. (1 п.л.). EDN: WLIERN. Импакт-фактор 0,820 (РИНЦ).

31. **Шарапова С.В.**, Берсенева Н.А. Социальная символика: система понятий и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 25–35. (1/0,5 п.л.). EDN: VSOPND. Импакт-фактор 0,28 (SJR).

32. **Шарапова С.В.** Стилистическая вариативность зауральской керамики эпохи железа // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 43–52. (0,9 п.л.). EDN: LAKPHV. Импакт-фактор 0,28 (SJR).

33. Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.**, Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 62–71. (0,9/0,4 п.л.). EDN: MBVQTZ. Импакт-фактор 0,28 (SJR).

34. **Шарапова С.В.** Социокультурная идентичность и возможности интерпретации древней материальной культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Серия: История, филология. Т. 11. № 3: Археология и этнография. С. 103–112. (2 п.л.). EDN: OYEPJD. Импакт-фактор 0,29 (Scopus/SJR).
35. Носкевич В.В., Федорова Н.В. Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.** Геофизика и археология поселений бассейна реки Карагайлы-Аят // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 60–69. (0,9/0,2 п.л.). EDN: PJDUIJ. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
36. **Шарапова С.В.**, Шмонеvский Б., Паронь А., Добжаньска Х. Кочевники и оседлый мир: направления и перспективы российско-польского проекта // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 144–146. (0,5/0,2 п.л.). EDN: PJDUMP. Импакт-фактор 0,28 (SJR).
37. **Шарапова С.В.**, Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 84–95. (1/0,5 п.л.). EDN: XCFPOP. Импакт-фактор 0,32 (SJR).
38. **Шарапова С.В.**, Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка: предварительные результаты // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Серия: История, филология. Т. 13. №. 3: Археология и этнография. С. 101–109. (1/0,7 п.л.). EDN: SMEOCJ. Импакт-фактор 0,29 (SJR).

Монографии:

39. **Шарапова С.В.** Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 208 с. (26 п.л.). EDN: MMYJZC
40. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / В.А. Булдашов, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И.

Ражев, Ж.-П. Потро, **С.В. Шаранова**. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с. (21,39/3 п.л.). EDN: RRXNSB

41. Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997 / M.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov, P. Courtaud, A. Epimajov, E. Gonzalez, A. Kovrigin, P. Kosintsev, L. Langouet, G. Makhonina, D. Marguerie, J.-P. Pautreau, D. Rajev, **S. Sharapova**, M.-C. Ugé // Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. Tome XI. Paris: Diffusion de Broccard, 2002. 291 p. (24/5 п.л.). EDN: VSPLHR

42. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин, **С.В. Шаранова**, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2009. 298 с. (18,53/6,2 п.л.). EDN: RZXEUP

43. **Sharapova S.**, Razhev D. Skull deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The bioarchaeology of the human head. Decapitation, decoration and deformation / Ed. by M. Bonogofsky. Gainesville: Florida University Press, 2011. Ch. 8. Pp. 202–227. Hardback (*Scopus*) (3/1,5 п.л.). EDN: SKUIPD

Переиздание: **Sharapova S.**, Razhev D. Skull deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The bioarchaeology of the human head. Decapitation, decoration and deformation / Ed. by M. Bonogofsky. Gainesville: Florida University Press, 2015. Ch. 8. Pp. 202–227. Second paperback edition.

44. Koryakova L.N., Krause R., Fornasier J., Epimakhov A.V., **Sharapova S.V.**, Berseneva N.A., Panteleyeva S.E. Archaeological structures of the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Ed. by R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. Ch. 5. Pp. 85–128. (19/1,5 п.л.). EDN: UNAXWL

45. **Sharapova S.** It is traced on bone: social identity in bioarchaeological research of Iron Age population of the Trans-Urals and Western Siberia // Cultural Encounters in

Iron Age Europe / Ed. by I. Armit, H. Potrebica, M. Črešnar, P. Mason, L. Büster. Budapest: Archaeolingua (Series Minor 38), 2016. Pp. 305–323. (25,8/2 п.л.).

46. **Sharapova S.V.** Settlement of Konoplyanka // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / Ed. by L.N. Koryakova, R. Krause. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. Ch. 7. Pp. 247–265. (25/2,5 п.л.). EDN: HZZKYE

Публикации в других научных изданиях:

47. Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Сергеев А.С., **Шаранова С.В.** Новые раскопки на Павлиновом городище (предварительное сообщение) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1995. № 2. С. 17–28. (1,2/0,3 п.л.). EDN: WLIDUP. Импакт-фактор 0,430(РИНЦ).

48. Koryakova L., Daire M-Y., Courtaud P., Gonzalez E., Kovrigin A., Langouet L., Marguerie D., Razhev D., **Sharapova S.**, Uge M-C. Burials and settlements in Eurasian crossroad: joint Franco-Russian project // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / Ed. by J. Davis-Kimball, E. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky. Oxford, 2000 (BAR International Series 890). Pp. 63–74. (2/0,2 п.л.).

49. **Sharapova S.** Iron Age ceramics of the Transurals // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / Ed. by J. Davis-Kimball, E. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky. Oxford, 2000 (BAR International Series 890). Pp. 207–214. (1 п.л.).

50. Daire M-Y., Koryakova L., Berseneva N., Courtaud P., Gonzalez E., Kozeko O., Kovrigin A., Langouet L., Marguerie D., Rajev D., **Sharapova S.**, Uge M-C. Les sepultures de l'Age du Bronze de Balshoïkazakhbaïevo (Oural Moyen, Russie) // Revue archéologique de l'Oest. No.°9. Rennes, 2001. Pp. 229–239. (1/0,2 п.л.).

51. Koryakova L., Daire M.-Y., Langouet L., Gonsalez E., Kosintsev P., Kovrigin A., **Sharapova S.**, Razhev D., Berseneva N., Panteleyeva S., Hanks B., Kazdym A., Mikrukova O., Efimova E. Iron Age Society and Environment: Multi-Disciplinary Research in the Iset River Valley (Russia). Preliminary Results // The

Geoarchaeology of River Valleys / Ed. by H. Dobrzanska, E. Jerem and T. Kalicki. Budapest: Archaeolingua Press, 2004. Pp. 185–214. (3/1 п.л.).

52. Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., **Шарапова С.В.** Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203. (2/0,6 п.л.).

53. Шарапова С.В. Символика престижа в саргатской культуре: на примере феномена кольцевой деформации черепа // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / Гл. ред. С.А. Арутюнов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 57–69. (1,2 п.л.).

54. Krause R., Korjakova L., Fornasier J., **Sharapova S.**, Epimachov A., Pateleewa S., Berseneva N., Molchanov I., Kalis A., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A. Befestigte Siedlungen bronzezeitlichen Sintašta-Kulturim Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // Eurasia Antiqua. 2010. Band 16. Pp. 97–129. (3/0,5 п.л.).

55. **Sharapova S.** Beyond the Silk Road: cultural identity of the Iron Age forest-steppe population of the Trans-Urals and Western Siberia // Serica-Da Qin. Studies in Archaeology, Philology and History on Sino-Western Relations (Selected Problems) / Ed. by G. Malinowski, A. Paroń, B. Szmoniewski. Wrocław: Wydawnictwo GAJT 1991 s.c., 2012. Pp. 27–40. (1,5 п.л.).

56. **Sharapova S.** Bioarchaeological Recognition of Social Identity in Iron Age Sargat Culture // Tattoos and Body Modifications in Antiquity / Ed. by P. Della Casa & C. Witt. Zurich Studies in Archaeology. 2013. Vol. 9. Pp. 103–113. (1,5 п.л.).

57. **Sharapova S.** On the turn of eras: cranial deformation as a form of self-mutilation among the population of Sargat culture // Archeologia Mileniului I p. CHR. Vol. IV: Nomazi și autoctoni în mileniul I p. Crh. / Ed. by B. Ciupercă. Ploiești: Editura Istros, 2015. Pp. 167–186. (1,5 п.л.).

58. **Шарапова С.В.** Население лесостепного Зауралья в раннем железном веке: археологический и антропологический аспекты изучения // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной

научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова: сб. статей / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 298–303. (0,5 п.л.).

59. Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.** Кочевники и лесостепь: саргатская культура // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез» (Санкт-Петербург, 14–18 ноября 2017 г.) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Скифия-Принт, 2017. С. 80–83. (0,33/0,2 п.л.).

60. **Sharapova S.**, Kovrigin A., Korjakova L., Razhev D., Daire M.-Y., Langouet L., Courtaud P. Zur sozialen und kulturellen Identität in früheisenzeitlichen Gesellschaften (Das Adelsgrab Karas'e 9 im Voruralsgebiet) // Eurasia Antiqua. Band 20. 2014–2017. Pp. 273–298. (2,5/0,7 п.л.).

61. Киселева Д.В., Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.**, Косинцев П.А. Зайцева М.В., Стрелецкая М.В., Чередниченко Н.В., Фокина А.К., Шагалов Е.С. Определение микроэлементного и изотопного состава стронция в образцах костной и зубной ткани человека и животных из археологических памятников Южного Урала эпохи бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия 2017. Миасс: ИМин УрО РАН, 2017. С. 41–46. (0,4/0,1 п.л.).

62. Зайков В.В., Филиппова К.А., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Корякова Л.Н., **Шарапова С.В.**, Булакова Е.А., Солдаткин Н.В. Геохимия магматических пород из археологических памятников Южного Урала (данные ICP-MS) // Геоархеология и археологическая минералогия 2017. Миасс: ИМин УрО РАН, 2017. С. 69–76. (0,4/0,1 п.л.).

63. Корякова Л.Н., Краузе Р., **Шарапова С.В.**, Федорова Н.В., Косинцев П.А., Зайков В.В., Анкушев М.Н. Укрепленные поселения бассейна р. Карагайлы-Аят сквозь призму междисциплинарного подхода // История науки и техники. 2018. № 1. С. 22–36. (2/0,4 п.л.).

64. **Шарапова С.В.**, Карапетян М.К., Булакова Е.А. Биоархеология и возможности изучения гендерных аспектов (по материалам могильника эпохи

бронзы Неплюевский) // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 94–100. (0,5/0,3 п.л.).

65. **Шарапова С.В.**, Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Пилипенко А.С. Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Т. 5. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 321–327. (1/0,5 п.л.).

66. Fedotova Y.V., Ankushev M.N., Blinov I.A., **Sharapova S.V.**, Trufanov A.Y. Electronic Microscopy of Precious Threads from Bolgar Settlement and Isakovka I Burial Ground // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2019. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer: Cham, 2021. Pp. 153–158. (*Scopus*) (0,5/0,15 п.л.).

67. Анкушев М.Н., Блинов И.А., Корякова Л.Н., Виноградов Н.Б., **Шарапова С.В.**, Петров Ф.Н., Григорьев С.А. Оксиды и галогениды меди в древних металлургических шлаках Южного Зауралья // Минералы: строение, свойства, методы исследования. 2020. № 11. С. 23–25. (0,3/0,05 п.л.).

68. Хорькова А.Н., Данилов Д.А., Киселева Д.В., **Шарапова С.В.**, Труфанов А.Я. Хроматографический анализ органических остатков в археологических артефактах // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Э.А. Хайрединова, Е.Б. Яцишина. Симферополь: Антиква, 2022. С. 178–181. (0,3/0,05 п.л.).

69. **Шарапова С.В.**, Грачев М.А., Карапетян М.К., Киселева Д.В., Окунева Т.Г., Перевозчикова А.А., Рыбакова А.Д., Шагалов Е.С. Анализ изотопов $^{87}\text{SR}/^{86}\text{SR}$ в изучении преднамеренной деформации черепа (саргатская культура) // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур. Материалы Всероссийской научной конференции с

международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения А.Х. Пшеничнюка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VIII). С. 74–79. (0,5/0,3 п.л.).